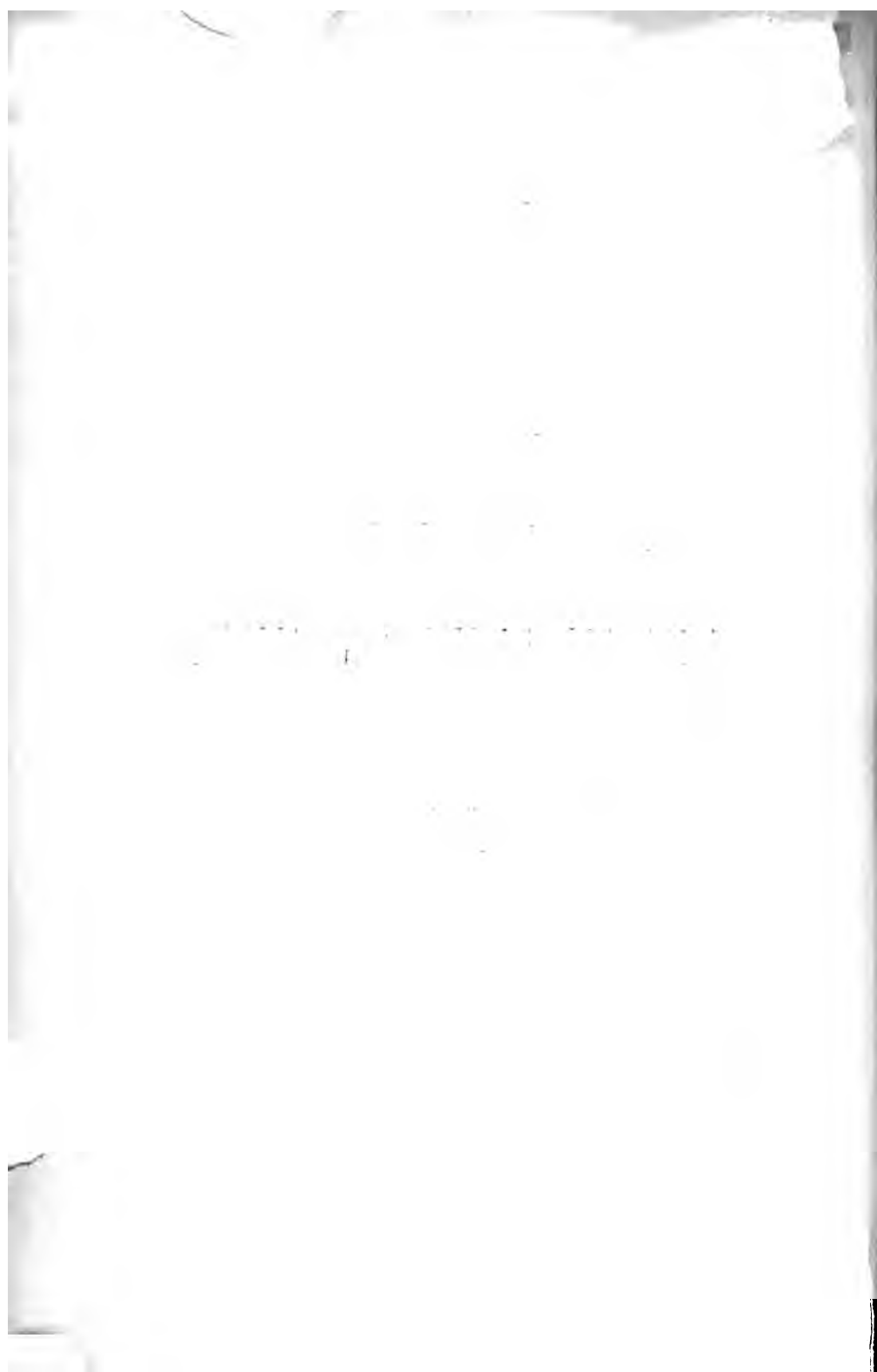

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ

II

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

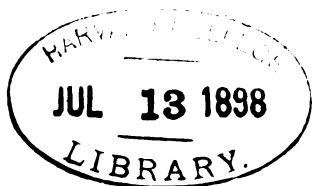
МОСКВА,

Гостинный дворъ, № 17 и 18.

Кузнецкий мостъ, д. Т. етьянова.

1881.

Slav 720.2

Gardner fund.

АѦАНАСІЙ ФІЛІППОВИЧЪ

БОРЕЦЪ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВЪРУ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ.

АѦАНАСІЙ ФИЛИПОВИЧЪ

БОРЕЦЪ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВѢРУ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Съ той поры, какъ Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, рѣдкій не побывалъ въ Кіевѣ и рѣдкій изъ людей образованныхъ, по крайней мѣрѣ учившихся въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, не останавливался въ Кіевѣ съ цѣлю взглянуть на религіозную и историческую святыню этого города и побывать въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Такой посѣтитель, проходя черезъ знаменитыя лѣстницы съ затѣйливыми фресками по хорамъ древнѣйшаго русскаго зданія, долженъ былъ увидѣть на правой сторонѣ крайній придѣлъ, въ который упирается галерея хоровъ. На лѣвой сторонѣ этого придѣла между столпами онъ долженъ былъ замѣтить икону Пресвятой Дѣвы, изображенной въ крестѣ, съ надписью, гласящею, что эта икона носитъ названіе І. Матицею, отъ имени монастыря, изъ котораго она привезена въ Кіевъ во второй половинѣ XVII вѣка. Монастыря этого давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Много было на Руси монастырей, о которыхъ нельзя уже съ точностію сказать: кѣмъ и когда они были основаны и когда уничтожились, а объ иныхъ трудно бываетъ съ достовѣрностію сообщить, въ какомъ именно мѣстѣ они стояли. И не оставили по себѣ многіе такіе монастыри никакой памяти, кромѣ голаго имени,

случайно списаннаго въ какомъ-нибудь историческомъ документѣ. Такая участь постигла бы, вѣроятно, и Купятицкій монастырь, еслибъ икона, привезенная изъ него въ храмъ св. Софіи, не спасла его имени отъ полного забвенія. Икона эта признавалась чудотворною, и знаменитый Кальнофойскій удѣлилъ для чудесъ, истекавшихъ отъ нея, не мало мѣста въ своемъ «Тератургикѣ», — сочиненіи, напечатанномъ въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка убійственнымъ готическимъ шрифтомъ по-польски и вполне достойномъ того, чтобъ наша Археографическая коммиссія перепечатала его съ русскимъ переводомъ. Но съ этой иконою соединяется еще имя личности, дѣйствовавшей уже послѣ изданія книги Кальнофойскаго. Эта личность—Аеанасій Филипповичъ, одинъ изъ замѣчательныхъ борцовъ за православную вѣру, отличавшійся въ ту эпоху, когда ей приходилось отбиваться отъ насилій западнаго католичества. Онъ былъ нѣкоторое время инокомъ Купятицкаго монастыря, потомъ игуменомъ въ брестскомъ Симеоновскомъ монастырѣ и въ 1648 году потерпѣлъ мученическую кончину за православную вѣру.

Имя это было извѣстно въ русской исторіи, какъ имя учителя Фавстина Лубы, котораго Поляки подготавливали играть роль царевича Ивана Дмитріевича, будто бы сына царствовавшего въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія, на самомъ дѣлѣ незаконнаго сына Марины, повѣшеннаго въ Москвѣ разомъ съ посаженнымъ на колъ атаманомъ Заруцкимъ. Любопытное сообщеніе объ этомъ лжецаревичѣ, данное московскому послу Аеанасіемъ Филипповичемъ, напечатано въ III томѣ Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, на 410 страницѣ. Археографическая коммиссія въ четвертомъ томѣ «Русской Исторической Библіотеки» подарила насъ въ высокой степени любопытной автобіографіей этого человека, подъ названіемъ

діаріума (дневника), приложивъ къ ней описаніе мученической его кончины, составленное послѣ его смерти почитателями его памяти. Такимъ образомъ передъ нами воскресаетъ чрезвычайно характеристичный образъ, который мы постараемся, насколько умѣемъ, передать нашимъ читателямъ.

Мѣсто родины Аѳанасія Филипповича неизвѣстно, какъ и званіе его родителей, хотя по нѣкоторымъ чертамъ предположить можно, что они принадлежали къ бѣдному шляхетству. Самъ онъ говоритъ только, что они были православные и онъ получилъ въ дѣтствѣ церковно-русское воспитаніе (въ наукахъ церковно-русскихъ), а потомъ служилъ во дворахъ разныхъ господъ. Въ аристократической Польшѣ бѣдные люди смолоду проходили дворскую службу у пановъ въ числѣ ихъ многочисленной прислуги, набираемой изъ бѣдной шляхты. Между ними многіе только считались слугами, господа употребляли ихъ по разнымъ порученіямъ, смотря по ихъ способностямъ, а иные ничего не дѣлали, только жили въ панскомъ дворѣ на счетъ пана. Побывавши въ нѣсколькихъ панскихъ дворахъ, Филипповичъ поступилъ во дворецъ великаго канцлера Льва Сапѣги и занялъ, по желанію хозяина, должность инспектора или наставника при Фавстинѣ Лубѣ, которому съ дѣтскихъ лѣтъ внушили увѣренность въ томъ, что онъ — московскій царевичъ Иванъ Дмитріевичъ. Какой-то панъ Бѣлинскій увѣрилъ ребенка, сына шляхтича изъ Подляся Лубы, непомнившего родителей или, быть можетъ, плохо ихъ помнившего, что будто Марина въ Калугѣ поручила ему, Бѣлинскому, своего ребенка свезти въ Польшу и воспитать, а впоследствии, когда ее схватили и привезли въ Москву, былъ подмѣненъ мальчикъ другимъ и тотъ другой, признаваемый сыномъ Марины, былъ повѣшенъ,

настоящій же былъ увезенъ въ Польшу. По совѣту своихъ родныхъ, Бѣлинскій привезъ этого ребенка на польскій сеймъ и представилъ королю Сигизмунду и сенаторамъ. Съ согласія польскаго сейма, отданъ былъ этотъ мальчикъ на содержаніе и воспитаніе великому канцлеру литовскому Льву Сапѣгѣ, а на содержаніе его опредѣлено было давать 6000 золотыхъ въ годъ съ доходовъ Бреста и Брестскаго повѣта.

Здѣсь являється противорѣчіе между дневникомъ Филипповича и сообщеніемъ, даннымъ имъ московскому послу. Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ, что, бывши у Сапѣги инспекторомъ при названномъ царевичѣ Иванѣ Дмитріевичѣ, онъ, понявши суету міра сего, поступилъ 1527 года въ монашество и былъ постриженъ въ Виленскомъ монастырѣ при церкви Св. Духа рукоположеніемъ игумена Іосифа Бобрисовича, а въ своемъ сообщеніи говоритъ, что Сапѣга отдалъ ему названнаго царевича въ Брестскій Симеоновскій монастырь, между тѣмъ какъ въ дневникѣ своемъ Филипповичъ указываетъ, что онъ назначенъ былъ въ этотъ монастырь игуменомъ въ 1646 году. Но и въ дневникѣ и въ сообщеніи указано одинакое число годовъ, въ продолженіе которыхъ онъ занимался воспитаніемъ названнаго царевича. Не было и не могло быть никакого повода показывать ложь тамъ или здѣсь, и разнорѣчіе въ двухъ письменныхъ памятникахъ одного и того же лица можно объяснить двумя способами: или великороссіяне, записывавшіе сообщеніе Аѳанасія, сдѣлали ошибку, зная его за игумена Брестскаго монастыря и получивши отъ него заявленіе, что онъ былъ учителемъ Лубы, вообразили произвольно, что обученіе послѣдняго происходило во время игуменства Аѳанасія, или же Аѳанасій, постриженный уже въ чернецы, былъ въ Брестскомъ монастырѣ нѣкоторое

время до своего игуменства въ этомъ монастырѣ. Последнее предположеніе вѣроятнѣе. Изъ дневника открывается, что послѣ постриженія въ Виленскомъ монастырѣ Аѳанасій былъ посылаемъ въ другіе монастыри, подчиненные тогда Виленскому Святодуховскому: онъ указываетъ на Кутейнскій близъ Орла и Межигорскій близъ Кіева, а потомъ на Дубойскій близъ Пинска; очень могло быть, что въ своемъ повѣствованіи почему нибудь не упомянулъ онъ о Брестскомъ; между тѣмъ оказывается болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что до поступленія его игуменомъ въ этотъ монастырь братія послѣдняя знала его, такъ какъ онъ отправленъ туда въ званіи игумена по настойчивому и усиленному требованію братіи.

Неизвѣстно, въ какихъ видахъ посылали его, до посвященія въ іеромонахи, въ послушаніе въ монастырь. Онъ говоритъ только общимъ мѣстомъ, что онъ тамъ поучался божественной волѣ и иноческому житію.

Возвращаясь въ Виленскій Святодуховскій изъ временнаго своего пребыванія въ Межигорскомъ монастырѣ, Аѳанасій получилъ отъ межигорскаго игумена благословеніе и совѣтъ соблюдать три правила, необходимыя для истиннаго монаха: быть въ послушаніи у старшаго, строго исполнять церковный уставъ и удалиться отъ бесѣды съ женскимъ поломъ. На пути въ Вильну встрѣтилъ онъ случайно неизвѣстнаго больного человѣка, нѣсколько времени несъ его на рукахъ, и тотъ въ благодарность внушилъ ему назнаменованіе себя на тѣлѣ противъ сердца имя Іисуса Христа и носить всегда. Этотъ неизвѣстный, показавшійся Аѳанасію чѣмъ-то таинственнымъ, давалъ ему такіе же совѣты, какъ и межигорскій игумень. Встрѣчу эту Аѳанасій счелъ событіемъ, устроеннымъ свыше и какъ-бы чудеснымъ.

Съ этой поры начинается у Аѳанасія сообщеніе съ

міромъ таинственныхъ видѣній и чудесъ, сопровождающее его въ теченіе всей жизни.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно своеобразный, во всякомъ случаѣ такой, какой въ наше время не возможенъ. Натура страстная, до болѣзненности мечтательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельная до неутомимости, — онъ весь предался религіи и дошелъ до изуверства. Въ наше время чудесъ не дѣлается, и большинство мыслящихъ людей склонно сомнѣваться, чтобъ онѣ когда-нибудь и прежде совершались. Это оттого, что, сообразно усвоенному нами воспитанію, какъ только мы услышимъ разсказъ о чемъ-нибудь, выходящемъ изъ уровня обычныхъ для насъ явленій, тотчасъ намъ, часто даже мимо собственного нашего желанія, входитъ въ голову прежде всего вопросъ: возможно ли по законамъ природы то, о чемъ намъ разсказываютъ? Иногда, разумѣется, мы беремъ на себя чересчуръ много, воображая, что въ силахъ рѣшить вообще: что возможно и что невозможно въ природѣ, какъ будто бы всѣ законы природы намъ вполне извѣстны во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Удалось намъ открыть связь и взаимную зависимость между многими явленіями въ природѣ, и мы самонадѣянно думаемъ, что въ состояніи все объяснять при помощи того, что уже знаемъ, а чего объяснять не можемъ, то утѣшаемъ себя мыслию, что разъяснять это наши потомки, когда человѣческому разуму откроются тѣ физическія сдѣянія явленій, которыя намъ теперь неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, мы низачто не хотимъ допускать такихъ невидимыхъ силъ, которыя не подходятъ подъ изученныя нами основы физики. Прежде было не такъ. Головы самыя свѣтлыя, но не додумавшіяся до того, что теперь называютъ физическими законами, во всемъ видѣли одинъ источникъ — всемогущество Божеской силы и всякое явленіе прежде всего были

готовы признать слѣдствіемъ Божеской воли или Божескаго допущенія. По поводу всякаго разсказа, какъ бы онъ ни противорѣчилъ обыденной нашей опытности, не говорили: это вымыселъ, это невозможно въ природѣ; всему склонны были вѣрить, а если когда сомнѣвались въ истинѣ того, что слышали, то на основаніяхъ богословскихъ или историческихъ, а ужъ никакъ не естествозна-тельныхъ. Не удивительно, что въ сочиненіяхъ старыхъ временъ встрѣчается изобиліе чудесъ и сверхъестествен-ныхъ явленій, и особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оставалось въ пренебреженіи естествовѣдѣніе, тамъ долѣе сохранилась и вѣра въ чудесное и сверхъестественное. Люди очень умные, очень почтенные по своей обще-ственной дѣятельности, не только вѣрили разсказамъ о чудесахъ, но и добросовѣстно увѣряли, что сами въ жизни испытывали ихъ. Укажемъ, для примѣра, хоть вотъ на что. Въ Кіево-Софійской библиотекѣ хранятся руко-писныя записки митрополита Петра Могилы. Мы слы-шали объ этомъ сокровищѣ и долго хотѣли его увидать, думая, что тамъ-то найдемъ важныя историческія свѣ-дѣнія. Наконецъ мы получили возможность добраться до нихъ. И что же! Ничего не нашли мы тамъ важнаго въ историческомъ отношеніи: все только разсказы о чуде-сахъ и сверхъестественныхъ явленіяхъ, слышанныхъ ав-торомъ отъ другихъ или же испытанныхъ имъ самимъ. Въ XVII столѣтіи въ Малороссіи считали достойнымъ особой памяти и записыванія не то, что считаемъ теперь мы, а именно то, чему мы теперь мало вѣримъ и что, нашедши въ книгахъ и запискахъ стараго времени, склонны признавать за умышленную ложь. Но Петръ Могила былъ, безспорно, самою свѣтлою и почтенною личностію въ Малороссіи въ свое время, и заподозривать его въ умышленной лживости ничто намъ не даетъ права.

Да и вообще, находя въ сочиненіяхъ стараго времени извѣстія о явленіяхъ, которыя намъ кажутся невѣроятными, утверждать, что сообщаемое этими сочиненіями есть непременно ложь, обманъ, вымыселъ — будетъ чрезчуръ опрометчиво и невѣрно. Правда, можно подозревать умышленную ложь въ такихъ разсказахъ, если разсказчики своими извѣстными намъ качествами побуждаютъ насъ къ такимъ предположеніямъ. Такъ, напримеръ, можно подозревать добросовѣстность разсказовъ о чудесахъ, какими наполнены іезуитскіе ежегодники (*Annae Societatis Jesu*). Можно съ достовѣрностію полагать, что плодомъ болѣзненнаго воображенія были видѣнія многихъ пустынниковъ, изнурившихъ себя чрезмѣрнымъ постомъ и постояннымъ одиночествомъ. Но много было и такого, чего источникъ надо было искать не въ хитрости, прибѣгающей въ вымысламъ, и не въ патологическихъ явленіяхъ, а въ духѣ времени и въ способѣ воспитанія, господствовавшемъ въ извѣстномъ обществѣ. Когда съ дѣтства получалась увѣренность въ возможность сверхъестественныхъ явленій, то съ привычкою объяснять все однимъ всемогуществомъ Божиимъ, при незнаніи основъ физики, люди, вполне здравомыслящіе и честные, легко настраивали себя такъ, что съ ними происходило такое, чего никакъ бы не могло произойти ни съ кѣмъ изъ насъ въ наше время. Намъ, находящимся съ дѣтства болѣе или менѣе подъ вліяніемъ скептическаго міровоззрѣнія, такое состояніе дѣлается не только невозможнымъ, но даже непонятнымъ, и мы легко будемъ сомнѣваться, чтобъ оно для кого-нибудь и когда-нибудь было возможнымъ. Между тѣмъ оно было какъ нельзя болѣе естественнымъ въ свое время. Границъ между тѣмъ, что намъ кажется и что дѣйствительно существуетъ само въ себѣ опредѣлить трудно: единственный способъ провѣрки въ та-

комъ вопросъ одинъ: извѣдать, то же ли кажется всѣмъ, что кажется одному или нѣсколькимъ, и если мы найдемъ, что прочимъ того не кажется, что кажется одному лицу, то признаемъ, что казавшееся послѣднему была мечта, а не дѣйствительность. Но какъ поступить, когда всѣмъ казалось одинаково то, что теперь уже нами не признается за дѣйствительность? А такъ именно было въ тѣ времена, когда многіе рассказывали объ испытанныхъ ими сверхъестественныхъ явленіяхъ; тогда у всѣхъ одинакова была вѣра въ чудесное и сверхъестественное, и если одинъ, другой, третій увѣряли, что имъ являлись святые или злые духи, никто не сомнѣвался въ возможности такихъ явленій, и сами они, если только не были умышленные лжецы (а такими всѣхъ нельзя признавать), были увѣрены въ томъ, что они дѣйствительно испытывали то, что о себѣ сообщали. Въ наше время мало найдется сколько-нибудь развитыхъ людей, которые повѣрили бы рассказамъ о дѣйствіи волшебныхъ силъ, о явленіяхъ духовъ, домовыхъ, мертвецовъ и тому подобнаго, и едва ли кто-нибудь изъ насъ, если онъ находится въ здоровомъ умѣ, способенъ испытать надъ собою такія явленія, потому что, прежде чѣмъ онъ что-нибудь такое испытаетъ, у него въ головѣ мелькнетъ вопросъ: да возможно ли это? Въ старыя времена никому не приходила мысль о невозможности чего-нибудь по законамъ природы. При нѣкоторой силѣ фантазіи, при способности создавать себѣ мысленно образы — субъективное легко становилось объективнымъ. Мы воспитались, выросли и живемъ подъ сомнѣніемъ: предки наши воспитывались, выросли и жили подъ вѣрою. Вѣра — великая сила; чему человѣкъ вѣритъ, то съ нимъ и случается. Не даромъ сказано въ Евангеліи о переставленіи горъ силою вѣры. Но великій Сердцевѣдецъ, говоря эти слова, присовокупилъ и условіе, при кото-